

От авторов- составителей сборника

Давайте сразу определимся: книгу писали не мы. Вы писали. Тут ваши письма, ваши слова, боль, радость, упреки, счастливые воспоминания, тоска, жалость, гнев, прощение — все ваше. И наши три письма своим отцам — только отдельные голоса в общем хоре.

Мы просто взяли на себя смелость предложить такой формат разговора. Нам казалось, мы здорово придумали. Ведь хорошо же создать площадку, где уже выросшие дочери получают возможность поговорить с отцами. Пусть и анонимно, пусть не рассчитывая на ответ, но смогут, наконец, хотя бы рассказать, что чувствовали и как жили. Где вдруг осознали страшное свое одиночество или, наоборот, нашли поддержку.

Все мы родились и выросли на Кавказе, так что хорошо понимаем, что такое традиционная кавказская семья, где Отец — высший авторитет, в чьей власти разрешать и запрещать, казнить и миловать. Традиция предписывает отцу строгость, а дочери послушание. Он должен отдавать распоряжения, она — выполнять их беспрекословно. Тут, на Кавказе, еще работает правило «с отцом не спорят», все коммуникации осуществляются через маму, и даже слова «папочка, люблю тебя» царапают горло, потому что их

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я ТЕБЯ БОЮСЬ.

не принято произносить. Есть исключения, конечно, и их немало, но когда мы говорим о традициях, то помним, никакие доверительные разговоры, откровенность, проявления собственной воли и характера в традиции не вписываются. И слова «отец убьет!» могут оказаться не фигурой речи, а самой настоящей страшной правдой, подкрепленной безымянными могилами.

Есть прекрасная фраза: «Заговори, и я тебя увижу». В смысле, увижу тебя сложного, подлинного, живого. Но как увидеть того, кто молчит? А у нас одни не готовы слушать, вторые не отваживаются говорить.

Перед тем, как взяться за проект, мы проводили своего рода анкетирование: в разговоре по душам пытались понять, что собой представляет та самая «идеальная дочь». И если на вопросы анонимной анкеты наши респонденты отвечали, что они хотели бы видеть дочку образованной, порядочной, успешной и прочая, прочая, прочая, то в беседе неформальной ответы были совсем иными.

Больше всего, к примеру, осуждалось непослушание, неблагодарность и «непорядочность». Последнее, разумеется, относилось к праву женщины распоряжаться собственным телом по своему усмотрению. И никто не говорил о самостоятельности, о независимости мышления, об ответственности за свою жизнь, о способности сказать «нет», когда все твердят «да!».

И мы вдруг поняли, а ведь послушание, благодарность и готовность принести свои интересы в жертву абстрактному «семейному очагу» или «благу семьи», — это не совсем то, что ценится в мире взрослых. Такое

ПИСЬМА ПАПАМ

впечатление, что дагестанские родители стараются вырастить большого послушного ребенка.

Мужчины, то есть часть нашей целевой аудитории, возмутились еще до того, как мы сняли первый ролик.

Первое, что мы услышали, объявив о запуске проекта «Письма папе», – это «предательство!». Второе – «попахивает феминизмом».

Хотя, казалось бы, где феминизм, а где разговор с папой? Да и письма-то в основном о детстве, о периоде взросления. А там роли распределены четко: есть ребенок и есть родитель, на ком бóльшая ответственность, если что-то пошло не так?

Но видимо, сама мысль, что женщина, оказывается, может сказать «папа, вот в той истории ты был неправ, и я до сих пор не могу изжить эту боль, папа», показалась многим покушением на святое и разгибанием скреп. Нам говорили, что мы собрали одних «недовольных», «обиженных жизнью». Ведь дочка должна быть какой? Благодарной. Вне зависимости от того, классный был у нее папа или сволочь последняя. У нас есть и светлые письма, написанные с любовью и нежностью к отцу, но они воспринимались как норма и потому внимания особого не привлекли.

И тогда мы решили, пусть будет, как будет. Мы просто даем площадку, мы даже почти не редактируем письма. Пусть говорят те, что так долго молчали. Пусть выросшие девочки говорят с отцами, которых любили безмерно, с теми, кто предал, с теми, кто вообще не присутствовал в их жизни.

В этот сборник вошло не все. Мы отсеяли самые трешовые, невыносимые письма и оставили те, где есть рефлексия, попытки понять себя, найти в про-

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я ТЕБЯ БОЮСЬ.

шлом те события, что сформировали характер и определили судьбу.

Очень страшно было читать письма, где описан обыденный домашний ад, процесс ломки маленького человека, и вдруг обнаруживать в конце «Папа. Я так люблю тебя!». Все без исключения письма, даже самые жесткие и непримиримые, в сердцевине своей прятали мольбу «услышь меня», «протяни руку», «скажи, что ты ошибся, что виноват, что я тебе нужна».

И мы поняли, что все эти письма могут лечь в основу спектакля.

Пустая сцена, только стул стоит, и на него направлен свет прожектора. Яркий, беспощадный. Из зала на сцену поднимается человек, садится и читает вслух чужое, кем-то выстраданное письмо. Потом встает, бросает листы рядом со стулом и уходит. А на его место приходит другой. И к концу спектакля на сцене стоит все тот же стул, а вокруг него белые листы: это ненаписанные, неотправленные и часто не проговоренные даже шепотом важные слова. Одни как оскорбления, брошенные в лицо, другие как цветы, положенные на могилу, третьи как протянутая рука — вот она, протяни свою навстречу.

Письма папам

«Сложно быть твоей дочкой...»

Это я. Привет. Я пишу тебе из года, который ты не встретил. Это уже одиннадцатый такой. Самое страшное, что теперь все такие. Ты не встречаешь больше новые года. Твой последний был 2007-й.

И он так прочно впечатался в мое сознание, что до этой зимы я не встречала праздников, не наряжала елок и пыталась уснуть пораньше да покрепче. Я не запретила себе радость. Я по-прежнему ищу и иногда нахожу возможности делить ее с тобой. Тысячи дочек по всему свету пытаются наладить отношения с живыми родителями. А у меня с тобой, давно ушедшим, налажены.

Ты называл меня Иисусом, дарил цветы и ругал за короткие юбки. И это все где-то в промежутке с рождения до десяти лет. Потом была болезнь, больницы, белые халаты... Белый был твой любимый цвет. Терпеть не могу белый. Одиннадцатый год, в котором тебя нет. Не-бу-дет — вот мои кувалда и каток одновременно. Ежеминутно я чувствую, как одна бьет, а другой едет. Ежеминутно. Без малого одиннадцать лет.

Пока не понимаю, как из девочки, прыгающей по лужам рядом с тобой и твоим бесконечно белым пальто, я превратилась в ту, что сейчас это пишет. В ту, что, кажется, умеет писать. Ты был молодым, краси-

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я ТЕБЯ БОЮСЬ.

вым и, как мне казалось, здоровым. Ты вышел из вагона метро в 2004 году, и его подорвали на следующей станции. Ты выживал даже тогда, когда это было абсолютно невозможно.

Папа. Помню, в Москве, проходя мимо бомжей и пьяниц, ты всегда, ухмыляясь, говорил: «И вот они сто лет будут жить, а мы от насморка сдохнем». С той Москвы прошло как минимум одиннадцать лет. И мы сдохнем, пап, пусть не от насморка, но...

Безнадежно много помню. Голос могу воспроизвести в голове и даже по запарке набрать номер телефона. Слушай, я пыталась забыть, но потом поумнела и теперь даже записала эти цифры. Вдруг забуду. Нет, одиннадцать лет — это что-то за гранью. За единственную, которую я отказываюсь переходить.

Ты рано поседел, рано закурил, рано прочел весь список Бродского, который тот составил гораздо позже и, кажется, прямо по твоим следам. Ты рано покинул дом, рано стал взрослым, рано поступил, рано ушел. Ты все сделал рано. Кроме меня. И я верю, что в этом есть какая-то вселенская задумка. Пап, я хочу верить, что ты бы поддержал меня во всем, что происходит и происходило. И, возможно, будет происходить. Все, как ты, к сожалению, научил. Все искренне.

Сложно быть твоей дочкой, пап. Это же людям только со стороны кажется, что я без отца. А я с отцом. Да еще с каким. Сложно быть дочкой справедливого, доброго, сильного, строгого и смелого мужчины. Тут, знаешь ли, шаг направо/шаг налево — расстрел. Даже нет, не так. Саморасстрел, пап. Ты строил все на жутком доверии и абсолютной любви. Сейчас так пытаюсь

ПИСЬМА ПАПАМ

я. Ты — моя самая большая ответственность, и после этой — с каждой справлюсь. Ты знай, что я все помню.

Вот тебе почти сорок, у меня дурацкая фиолетовая куртка, на улице сильный ливень, и ты в белом пальто ведешь меня гулять. Ты срываешь цветы, приговаривая, чтоб никогда так не делала (сработало, кстати), и даришь их мне. Ливень шел. И мы шли.

Вот тебе слегла за сорок, в школе меня обижают какой-то мальчик, говорит, нерусская, шла б ты отсюда. Сильно обижают, в общем. Наплевав на все принципы, рассказываю тебе. Ты приходишь в школу. Ты как-то глобально его пристыдил, и тот сказал родителям, что больше к нам в класс ни ногой. Стыдно ему было. На этом мой лимит «пожаловаться Папе» резко исчерпывается.

А вот тебе пятьдесят. Тебя вывозят ко мне после операции. Наша жуткая «республиканская» и мой замечательный ты. Улыбающийся. Довольный. Будто не знал, что больше толком не увидимся. И здесь жутко не хочется добавлять «никогда».

Пап. Договорись там, чтоб отцы срывали цветы и каждой девочке планеты, даже в свои шестьдесят, всегда было кому жаловаться. А я тут побуду за старшую. Обещаю.

***«Я отдала бы за тебя жизнь,
но она тебе не нужна»***

Мне так много хотелось тебе сказать, но то не хватало смелости, то не было удобного случая, то я была еще совсем маленькой, то ты слишком занятым. Было много разных причин, всегда. Причин, по которым я не могла сказать тебе все, что чувствовала. Мне так жаль, папа, что я выплескивала свои чувства только в моменты обиды, но у меня не хватало силы сказать, как ты мне нужен. Я не могла говорить, я только показывала и надеялась, ты поймешь. А когда решила сказать.... Я так сильно люблю тебя, папа, и так глубоко ненавижу. Я бы отдала жизнь за тебя, папа, но она была тебе не нужна. Я была тебе не нужна. Ты помнишь, как в четырнадцать лет я села к тебе в машину и попросила забрать меня к себе? До сих пор не могу простить себе этого, такой жестокости по отношению к маме.

Ты помнишь, что ты сказал, когда я просила меня забрать? Ты помнишь, как сказал, что дома тебя не поймут? Что хотел забрать, когда я была маленькой и сказать дома, что я ребенок твоего друга? Помнишь, папа? Ты, такой влиятельный человек, не имел смелости сказать, что я твоя дочь... удивительно, не так ли?

ПИСЬМА ПАПАМ

Я потеряла мир в этот момент, пап. Я разбилась на миллиард осколков, мне было так больно, папа. Неужели ты не видел, как твоя дочка умирала у тебя на глазах, папа? Неужели ты не видел?

Я так много хочу сказать.

Все хорошее и плохое в своей жизни я делала только с одной целью – привлечь твое внимание. Больше ничего мне не было нужно. Я хорошо училась, занималась наукой, только чтобы ты обратил внимание, я тут же теряла интерес ко всему, как только ты становился равнодушен к моим успехам.

И начинала делать что-то плохое, чтобы ты поругал, чтобы я чувствовала себя нужной.

Пап, помнишь, как ты сказал, чтобы я ждала тебя в кинотеатре? Я была с группой однокурсников и специально попросила одного из них спуститься со мной, специально громко смеялась и ужасно себя вела, чтобы ты пришел и меня поругал. Так, папа, я бы чувствовала, что я важна тебе. Но ты не поругал.

Ничего не сказал.

Знаешь, па, я всегда придумывала и врала всем, что я твоя единственная, любимая дочка, всем говорила так. Так хотела верить в это, так хотела спрятаться от того факта, что тебе на меня наплевать. Я всем говорила, что мой папа очень занятой и поэтому он никогда не провожал меня 1 сентября в школу, не был на утренниках или родительских собраниях, на моих выступлениях. А когда в универе стали вызывать тебя и ты приезжал, я делала все, шла на все, лишь бы тебя снова вызвали. Чтобы все знали, что у меня есть папа и я тебя не придумала.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я ТЕБЯ БОЮСЬ.

Мне было жутко противно просить у тебя деньги, но хотя бы так ты иногда обращал на меня внимание.

Пап, а ты помнишь, как ты снимал квартиру для нас? Ты помнишь, как каждый месяц мы вымаливали у тебя деньги на оплату? Пап, помнишь, как ты при маминкой знакомой сказал, что еще не известно, твои ли мы дети. Мне было десять, пап. Мне было десять...

Я так сильно любила тебя, пап, так сильно люблю и так ненавижу. Если бы мне приказали вынуть сердце и отдать тебе, я бы сделала это, не раздумывая. А ты мне даже руку не протянул.

Пап, а помнишь, как ты пошутил надо мной? Сказал, что мне для приданого сойдет и пластиковая посуда, мы же все равно скоро разведемся. Помнишь, после каких унижений ты купил мне мебель в приданое? Как же я ненавидела себя тогда. Именно себя, пап. Я не понимала, почему я такая ничтожная, такая отвратительная, что мой папа вот так поступает со мной. Ведь годом ранее ты жаловался, что на приданое другой твоей дочери, в той семье, что «правильная», ты потратил аж миллион рублей.

И дело было не в том, что на мое было потрачено в десять раз меньше, а в том, как я унижалась ради этого и что мне приходилось слышать от тебя.

За что, папа? За что, любимый мой? Неужели я заслужила это только потому, что родилась от тебя? Пап, неужели заслужила?

Окончательно ты разбил мое сердце, так, что я и сегодня не могу собрать осколки, когда я стала мамой. Ты знал, как все было тяжело, знал про мою ужасную операцию и недоношенную дочь, но ты даже не приехал, пап. Ни разу не приехал в больницу. Не при-

ПИСЬМА ПАПАМ

ехал домой, когда нас выписали. Ты познакомился с внучкой, когда ей было два месяца, пап.

Ты знаешь, я всегда находила тебе оправдания, всегда объясняла, почему ты поступил так, а не иначе. А когда родилась моя девочка, я увидела, каким может быть отец, и задыхалась от осознания, которое ко мне пришло. Мой муж не спал, когда у дочи были обычные колики, он бежал с работы домой, боялся пропустить, как она растет, меняется. А ты жил счастливо и спал спокойно, когда нам было нечего есть, когда даже не знал, жива ли я вообще. Я не понимала, папа. Не понимала, в чем я виновата перед тобой. За что ты лишил меня себя.

Когда я была маленькой и обижалась на маму, то доставала большую сумку и собирала в нее игрушки. Говорила, что уеду к тебе.

Я так надеялась, пап, что нужна тебе.

Мне почти 30, папа, у меня дети, но знаешь, я еще осталась той девочкой, в твоей машине, которая просила забрать ее с собой. Девочкой, у которой ты отнял себя.

Я так люблю тебя, папа, я так тебя ненавижу...